

Янина Береснева

ТРОЕ В КУСТАХ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Детективные
истории

Янина Береснева

Трое в кустах, не считая собаки

«Автор»

2022

Береснева Я. О.

Трое в кустах, не считая собаки / Я. О. Береснева — «Автор», 2022

Учительница русского языка Аглая Синичкина узнает, что ее парень — сомнительный тип, изменщик, из-за которого ее осаждают коллекторы. И лучшее, что ей приходит в голову — уехать к тетке в деревню Бухалово на время летних каникул. Прибыв на место назначения, Аглая не только не оказывается в безопасности, но и попадает в эпицентр дурацких событий. Действительно, труп подозрительного субъекта, обнаруженный ею на второй день отдыха в малиннике, мало похож на приятный сюрприз. В деревне появляются опасный, но притягательный мужчина и парочка бандитов, а еще умы деревенских жителей будоражат рассказы о зарытом у реки кладе. И у всех есть вопросы к бедной Аглае. К счастью, у Глаши в деревне появляется подруга — бойкая продавщица Кристина. А еще она встречает там друга детства — здоровяка Шурайку. Вместе они способны на многое: и труп найти, и сокровища потерять, и воровской общак прикарманить. А еще распутать дело, которое оказались не по зубам даже матерым злодеям.

© Береснева Я. О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Любовь и голуби	7
Глава 2. Тайна зеленого салата	10
Глава 3. Карась белобрый	12
Глава 4. Беги, Аглая, беги...	15
Глава 5. Напуганная изгнанница	18
Глава 6. А был ли клад?	20
Глава 7. Призраки не дремлют.	24
Глава 8. Крыся и ее стая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Янина Береснева

Трое в кустах, не считая собаки

Пролог

В один прекрасный летний день я, Аглая Синичкина, нашла труп.

Он мирно лежал в самой глубине кустов, в двух шагах от кургана, выставив из гущи лишь тупой нос резинового сапога. Увидев его, я, лениво прогуливавшаяся к реке, с диким визгом бросилась наутек. Вот, собственно, и все.

Ни чей это был труп, ни как он заявился в нашу деревню, ни что с ним произошло потом, я так и не узнала. Да, так бы мне хотелось написать. Но все было совсем иначе...

Гроза, за день копившая силы, внезапно разразилась с мстительной яростью. Непроглядной темнотой затянуло небо, а дождь, резкий и неожиданный, хлестал по нашим с Крысей головам, заливая лица. Струйки воды противно стекали за пазуху.

Ветер гнул невысокие деревца и зловеще завывал. Именно поэтому мы с Крысей решили укрыться под листвой развесистого граба.

Конечно же, идти гадать в такую погоду на реку могли только полные дуры. Об этом я и думала все время, пока мы выбирались с реки к дороге, где встретили моего приятеля детства Шурайку. Тот тоже не в лучшее время решил пойти проверить снасти на рыбу. И вот тогда я вспомнила, что забыла свою сумку с гадательными принадлежностями под деревом, где мы укрывались от дождя.

Собравшись с силами, мы потопали назад: у Шурайки был фонарик. Сумку я, конечно, нашла, но почему-то решила еще осмотреть кусты, из которых ранее доносились неясные шорохи. Извечное женское любопытство! Сделав пару шагов в нужном направлении, я щелкнула рычажок фонарика на максимум: яркий столб света выхватил из темноты часть кустов. Почему-то я даже не особо удивилась, когда он явил мне чьи-то ноги в резиновых сапогах.

Медленно переведя фонарь в сторону, я смогла рассмотреть картину целиком: головой в кустах, а ногами – в сторону дороги, там лежал труп мужчины средних лет и средней комплекции. Почему-то я сразу занесла обладателя резиновых сапог в список мертвых (на местного алкаша он не был похож) и решила, что не худо бы заорать. А дальше началось такое, что лучше и не вспоминать...

Глава 1. Любовь и голуби

Говорят, все случайности не случайны, а как по мне – вся моя жизнь как раз и состоит из таких вот случайностей. И вообще, каждая такая случайность приводит к таким последствиям – хоть за голову хватайся.

Казалось бы, что удивительного или шокирующего может случиться с обычной школьной учительницей русского языка и литературы, которая, к тому же, обременена классным руководством, ведением кружка изящной словесности и обязанностями секретаря профсоюзной ячейки. Но это только на первый взгляд. Последнее время моя жизнь насыщена приключениями и делает такие зигзаги, что впору писать о ней роман. Чем я и решила заняться.

Пару лет назад я закончила наш местный филологический ВУЗ. В тот период, как начались мои злоключения, я как раз отработывала положенные два года в одной из старейших школ нашего города. Каштановая аллея, старинные улочки вокруг и потрескавшаяся штукатурка на стенах. На работу я не жаловалась: в отличие от зарплаты, ее у меня всегда было в избытке. Коллеги не донимали, директор опекал молодого специалиста, да и дети любили молодую училку, хотя навязанный мне кружок изящной словесности упорно игнорировали.

– Аглая Николаевна, я что, лох какой? – разводил руками очередной пойманный мной за ухо нерадивый подопечный. – Не пойду я книксены разучивать.

– А курить – это не лоховство? – строго вопрошала я, силясь придать себе грозный вид гиганта воспитательной мысли, что с моим ростом в метр шестьдесят пять и весом в 50 кг было ох как сложно.

Надо сказать, этот год был для меня сложным. Хотя, когда тебя зовут Аглая, а твоя фамилия Синичкина, жизнь твоя с самого детства является суровым испытанием. Глашка, Птичка – синичка, Синий иней, Синильная кислота, Аглайка-балалайка – как только меня не дразнили в школе. Казалось бы, так себе имя и фамилия, бывают и похуже. Но в нашем классе, как назло, собрались сплошь Ольги Кузнецовы да Екатерины Смирновы. Мама даже всерьез засомневалась в моей адекватности, когда я заявила, что хочу пойти в учителя.

– Тебе что, не хватило своей школы? Дети будут коверкать твое имя, приносить на урок кормушки, спрашивать, любишь ли ты сало на ниточке...

– Всю жизнь бегать от себя – это утопия, – отрезала я. – В конце концов, не фамилия красит человека.

– Ну, как знаешь. С твоей внешностью я бы лучше в фотомодели пошла. Дети – это так утомительно...

Мама знала толк в детях. Точнее, в их утомительности. Меня она растила одна, при этом умудрялась совмещать все это с карьерой ученого. Женщина-ученый – для меня это звучало загадочно и романтично. Мама всегда была в работе, часто ездила по командировкам, днями пропадала в своей лаборатории, а я была предоставлена самой себе. Благо, ребенком я росла на редкость положительным: тот самый случай, когда за ангельской внешностью не скрывался чертенок, а жил вполне себе адекватный херувим.

На лето и прочие каникулы я всегда уезжала к тетке – маминой старшей сестре Зинаиде. Тетку я обожала, а каникулы на лоне природы всегда были моим любимым времяпрепровождением.

Мама тоже была родом из деревеньки под названием Бухалово, но в свое время уехала учиться, да так и осталась в городе. Потом мама встретила на каких-то там танцах моего отца, родилась я, а отец уехал работать на Север. Да так и не вернулся.

Вообще, он работал вахтами, и тетка Зина решила, что там у него и была семья. А здесь он так, «побаловаться» решил. В любом случае, официально расписаны они не были, так что мама окрестила его предателем и эту страницу нашей истории мы закрыли навсегда.

Тетка же Бухалово практически не покидала, разве что на короткий период, когда ездила в молодости учиться на ветеринара в районный центр. Там она вышла замуж за однокурсника, но не прожила с ним и года. Тот, казалось, пошел в ветеринары только лишь с той целью, чтобы быть ближе к медицинскому спирту. Тетка его изгнала и с тех пор считала себя женщиной свободной от обязательств. Короче, личная жизнь тоже не сложилась, потому что, по ее словам, в деревне жили «алкаши да пердуны», но уезжать из Бухалово она отказывалась из принципа.

Двух более разных сестер, чем тетка и моя мать, представить было сложно, но обеих я считала своей семьей и готова была за них перегрызть горло любому.

– Где родился – там и пригодился, – хмурилась тетка на все наши с мамой попытки перетаскать ее поближе, в город. – И потом, где вы, окаянные, возьмете свежие овощи и варенье? На рынках ваших небось натурального не докупишься...

Последние годы к тетке я ездила все реже: сначала учеба, потом работа. А год назад произошло событие, в корне изменившее мою жизнь. Я влюбилась. Конечно, и раньше у меня случались романы, но все это было так, проходящее. В этот же раз я не сомневалась, что Мирон Голубев – моя вторая половинка.

Познакомились мы благодаря все той же тетке Зине: сама того не зная, она выступила моим Купидоном, презентовав мне на очередной день рождения ключи от «Лады».

– И не вздумай отказываться. Выучись на права, будешь чаще ко мне приезжать. Шурайкин дед сказал – агрегат что надо. Шикарное авто. Я у фермера из соседних Жуков поголовье свиней вылечила от дрисни, не к столу будет сказано. А они уже бить хотели. Тот на радостях мне машину-то свою старую и подогнал, бартером, так сказать. Ну и в счет будущих услуг. А мне она к чему?

Конечно, «Лада» были так себе, не машина моей мечты, но на безрыбье, как говорится... И я пошла на курсы вождения, благо, занятия проходили как раз в нашей школе. По вечерам там арендовали классы, и мне даже не пришлось никуда ездить. Первая же переключка в классе юных и не очень автолюбителей разбудила в моей душе потайные романтические струны.

– Синичкина, Голубев (в этом месте по аудитории поползло противное хихиканье), Иванова, Самсонов...

Я повертела головой и отметила, что на фамилию Голубев отозвался симпатичный светловолосый парень в майке-поло, которая чрезвычайно шла к его небесно-синим глазам.

Мы встретились взглядами, и я свой сразу же смущенно потупила: несмотря на то, что все окружающие считали меня красавицей, я была скромна донельзя. Во время перерыва я пошла к кофе-автомату, установленному на том же этаже, и вознамерилась получить стаканчик бодрящей жидкости: веки предательски тяжелели после насыщенного рабочего дня.

Аппарат, как назло, решил взбрыкнуть и, проглотив мою монетку, продолжил стоять с невозмутимым видом.

– Да чтоб тебя, ненасытное чучело, – бормотала я, поколачивая его руками и заглядывая в его прожорливое нутро. Да так увлеклась, что не сразу заметила, как сзади неспешно подошел мой товарищ по птичьей фамилии и, слегка наклонив аппарат, хорошенько треснул по нему кулаком. Тот сразу исправно заурчал, а я растерянно улыбнулась:

– Спасибо, вы меня выручили. Очень кофе хочется.

– Не за что. Такой красивой девушке помочь – за радость. Если что, я...

– Ты Голубев? – хихикнула я, забирая свой стаканчик.

– Ага, Мирон, – вздохнул он, слегка скривившись, – приятно познакомиться. А ты Аглая? Я слышал...

– Да, Синичкина. Смешно... Голубев, Синичкина. Ну, ты понимаешь, да?

Судя по его растерянной физиономии, он ничего не понимал, но, как пионер, был всегда готов. Понять и простить.

Ход моих мыслей ему понравился, и с того дня мы стали практически неразлучны. Сидели за одной партой, ходили на уроки вождения, Мирон провожал меня вечерами до дома, перепрыгивая сначала через лужи, потом через сугробы.

К началу весны мы получили права, и вопрос встал ребром: Мирон заявил, что нам надо начать жить вместе, чтобы лучше узнать друг друга. Так как он был приезжий и квартиру снимал на двоих с дружкой, с которым они вместе работали в казино, то выбор был очевиден.

Мама как раз уехала в полугодовую командировку, чтобы изучать характеристики сои для ее выращивания на Севере, и я чувствовала себя одинокой, как никогда. Так мои двери открылись для нового постояльца, а сердце – для большой любви.

В конце концов, ничего не мешало нам попробовать совместную жизнь, тем более, Мирон казался мне на редкость положительным молодым человеком. К примеру, он не курил, почти не пил и вроде бы занимался спортом.

К тому же, он был очень симпатичным, и когда вечерами встречал меня после уроков, девчонки из старших классов провожали его заинтересованными взглядами. Что мне, конечно, льстило. Учился Мирон на заочном, а в свободное время работал крупье в «Белой Веже» – самом крупном казино нашего уездного города.

Конечно, азартные игры я не одобряла, но любимый заверил меня: сам он относится к ним скептически, а деньги не пахнут. Да и деньги там вроде обещали хорошие. По крайней мере, когда закончится испытательный срок. Но испытания ждали не только Мирона, но и меня. Правда, тогда я о них даже не подозревала.

Глава 2. Тайна зеленого салата

Весна выдалась суматошной. Я как раз выпускала свой первый одиннадцатый класс, и забот у меня было по уши. Экзамены, подготовка выпускного, суета последней четверти и груз ответственности перед родителями буквально доконали меня. Домой я приползала ближе к ночи, когда Мирон как раз выходил на работу. Виделись мы редко, отчего я, конечно, страдала, но надеялась на понимание и сочувствие со стороны бойфренда. Как оказалось, зря надеялась.

В один из весенних выходных мы выбрались на совместный обед в недавно открывшийся ресторанчик. И вот тут прозвучал первый тревожный звонок. Точнее, тогда я на это попросту не обратила внимания: была так вымотана, что хотела только одного – жевать еду и смотреть на своего красавца-мужчину.

– Возьми зеленый салат «Фантазия». Порции здесь что надо. Говорят, вкуснятина, типа «Греческого», – вскользь заметил Мирон, изучая меню.

Я беззаботно заказала салат, но, немного подумав, спросила:

– А откуда ты знаешь про этот салат, ты что, здесь бывал?

– Да, как-то заходил с приятелем на пиво, – чересчур поспешно ответил Мирон и отвел глаза.

Устраивать допрос я посчитала глупым, хотя про себя отметила несколько странностей: Мирон терпеть не мог зеленые салаты, никогда их не заказывал, а меня называл козой за пристрастие к зелени. А уж отправившись пить пиво с другом, он и подавно предпочел бы луковые колечки или куриные крылышки. Представить его интересующимся вкусом салата у дамы за соседним столиком тоже было затруднительно. Отогнав непрошенные мысли прочь, я вспомнила слова тетки Зины: многие знания – многие печали.

В мае я окончательно поселилась на работе, потому что Пашка Савостов из моего 11 «Б» попался за распитие спиртных напитков как раз накануне экзаменов, и мне пришлось обивать пороги участкового и разных комиссий, названия которых с каждой новой дверью становились все замысловатее.

Хорошо, что в этот период позаброшенный и позабытый Мирон, как мог, старался меня поддержать: звонил регулярно, а к моему приходу домой всегда выносил мусор и проветривал. Иногда даже жарил картошку с курицей.

Чувствуя свою вину, я закрывала глаза на его мелкие огрехи. Как-то так сложилось, что за квартиру последнее время платила исключительно я. Равно как и покупала продукты, оплачивала телефон, заправляла бензином его машину...

Мирон с покаянным видом вещал про проблемы на работе: обманывать людей ему было совестно, а иначе выжить в казино, по его словам, было просто нереально. Новое начальство зажимало гайки, и Мирону приходилось постоянно отстаивать права униженных и оскорбленных.

На мои слабые попытки предложить ему поиски другой работы, он возражал, что без связей и прописки ему, студенту-заочнику родом из глубинки, устроиться будет сложно. При этом он делал глаза козой и так проникновенно дышал, что любой нормальный мужчина уже давно сделал бы ему предложение и прописал его в своей комфортабельной трехкомнатной квартире.

К счастью, мужчиной я не была. А потому не спешила с матримониальными планами, хотя в глубине души теплилась надежда: скоро я сменю фамилию и семейное положение. По крайней мере, Мирон об этом заговаривал все чаще, но как-то вскользь.

Дальше события развивались по неблагоприятному для меня сценарию. Моего выпивохи Савостова кое-как сняли с учета, но дылда Фролова оказалась беременной от физрука. Подобный казус мог случиться только с моими подопечными, и я, посыпая голову пеплом, опять стала

бегать по комиссиям. В связи с неблагоприятной ситуацией на работе и перманентным стрессом, меня стали одолевать мигрени, бессонница и обонятельные галлюцинации. К примеру, каждый раз, возвращаясь домой, я упорно чувствовала какой-то приторный сладкий запах.

– Мироша, что это за неприятная туалетная вода? У нас кто-то был?

– Туалетная вода – это вода из туалета? У тебя глюки, милая, – флегматично заявлял Мирон, продолжая грызть семечки. В последнее время он только и делала, что лежал на диване и недовольным взглядом сопровождал мои рассказы о злоключениях 11 «Б».

Как-то, возвращаясь домой, я свернула за угол и направилась к подъезду. Помахивая сумкой и погрузившись в свои мысли, я не заметила, как пошла на запах. Тот самый сладковатый приторный запах, который мне постоянно мерещился в квартире.

Когда я опомнилась, то была уже возле киоска «Пиво-Воды». Впереди меня, вырисовывая бедрами восьмерку, плыла длинноногая блондинистая дама чьей-то мечты. Так и подмывало заглянуть ей в лицо и спросить, водой из какого туалета она облилась. Но я сдержала свой порыв и побрела назад к дому.

С того дня тошнотворный запах обрел реальное воплощение, но я все еще сомневалась. Откуда бы этой крашеной бывать у меня дома и оставлять там свои ароматы? Нет, тут что-то другое. Возможно, я просто накручиваю себя или же соседка обзавелась подобным парфюмом. Если учесть, что мне слышен каждый соседский чих, то, возможно, и запахи к нам просачиваются с такой же легкостью? К примеру, когда Мирон проветривает...

Через пару дней мой бойфренд явился домой с новым крутым телефоном, заявив, что его по случаю продал ему коллега, знатно проигравшийся в карты. Конечно, это снова меня насторожило, но Мирон пообещал с первых же заработков купить и мне точно такой же.

Позвонив ему вечером, чтобы узнать, как проходит работа, я поставила своего мецената в неловкое положение. Внезапно для него самого умный новый аппарат включил видеосвязь, и я не только услышала его, но и увидела. Причем не одного. На фоне маячила какая-то мырма с подозрительно знакомой выбеленной шевелюрой. На экране на миг возникли ее губищи и круглые глаза. Казалось, любопытный карась пытался взглянуть на меня через стекло аквариума.

Выглядело это довольно смешно, и я невольно хихикнула. Мирон же принялся бодро вещать, что сейчас находится в уголке задумчивости, причем застала я его там в самый неподходящий момент. Из этого я сделала вывод, что о чудесах видеосвязи он еще не был осведомлен и даже не понял, что попал в неловкое положение.

Посоветовав ему экономить туалетную бумагу и электроэнергию, я отключилась, пробормотав:

– Воистину телефон не должен быть умнее своего владельца...

С этого дня у меня словно открылись глаза. Конечно, прямых доказательств измены у меня не было. Начни я наседать, Мирон, чего доброго, приведет сто контраргументов. В результате которых я буду выглядеть полной дурой. Не стану скрывать, что надежда все еще теплилась в моем робком девичьем сердце: вдруг это просто коллега? Мало ли крашенных блондинок бродит неприкаянными по необъятной Отчизне? Но зачем он мне врал, что сидит в туалете? И этот запах... Он что, водил кого-то к нам домой?

Стесняясь признаться в этом самой себе, я решила выследить Мирона. И с этой целью даже купила бейсболку и большие солнечные очки. Но жизнь сама все расставила по своим местам, выкинув очередной фортель.

Глава 3. Карась белобрысый

Буквально через пару дней, в течение которых ничего подозрительного за Мироном я не замечала, учительница ритмики Людка из младшей школы упростила меня съездить с ней в соседний небольшой городок.

– Мымра наша за методической литературой отправляет, на автобусе трястись в жару лень, и тащить на себе. Давай на твоей «Ладушке» метнемся, развеемся? С меня торт, ну...

Ссориться с единственной приятной молодой коллегой не хотелось, да и развеяться я была не прочь, и мы, дождавшись обеденного перерыва, поехали.

В маленьком городке, как водится, все было по соседству: и загсы, и больница, и даже морг – в непосредственной близости друг от друга. Пока Людка пошла штурмовать здание администрации, я, уныло побродив вокруг, решила зайти в близлежащий магазин. Голод не тетка, и я решила, что мороженное здесь вполне можно съесть без ущерба для здоровья. Майская жара в этом году была невыносима, так что и бутылка воды на обратную дорогу также не помешала бы.

Проходя в сторону кассы, я внезапно опять учуяла противный сладкий запах, и вздохнула с облегчением: ну конечно, это галлюцинации. Вот и здесь мне мерещатся... Не успев додумать эту глубокую мысль, я наткнулась взглядом на знакомые бело-красные кеды.

Медленно подняв голову, я резко схватила ртом воздух, потому что явившаяся мне картина была просто ударом под дых: Мирон в обнимку с белобрысым дурно пахнущим карасем стоял возле отдела спиртного и, мило воркуя, выбирал вино. Их поведение не оставляло сомнений в характере взаимоотношений, а я все продолжала стоять столбом и глазеть в их сторону. Мужчина сзади нетерпеливо меня толкнул, бутылка воды вывалилась из рук и покатила прямо в сторону предателя Голубева. Тот обернулся, поддел бутылку ногой и перевел взгляд с ноги в мою сторону. Улыбка медленно сползла с его лица, он схватил белобрысую за плечи и резким движением поставил за собой. При этом он принялся делать какие-то странные движения руками, а еще завращал глазами и стал слегка постукивать ногой. Складывалось впечатление, что Мирон решил меня загипнотизировать, полагая, что я выйду из магазина и забуду нашу встречу, как страшный сон.

Именно так и следовало поступить, но я все продолжала таращиться в пустоту, а белобрысая испуганно выглядывала из-за плеча Кашпировского, видимо, опасаясь за остатки волос на своей голове.

Мужчине сзади надоело ждать, и он буквально на руках внес меня в зону кассы, где я молча расплатилась за воду и побрела на выход. Людка застала меня в машине: положив руки на руль, я рыдала. Получив от меня порцию бессвязных «А он, а я, а эта стерва... Карась крашенный, а я же... Ой-й-й... а еще прописаться хотееел...». На этой ноте меня особенно заклинило, и я долго стенала, привалившись к стеклу, а Людка поливала меня водой из бутылки. Окончив водные процедуры и получив от Людки напутствие «выкинуть этого козла из своей жизни, но, в первую очередь, из квартиры», я приободрилась и дала по газам. Любому человеку нужна цель.

Высадив коллегу возле ее дома, я, с невесть откуда взявшимся рвением, метнулась в квартиру. Там я собрала ценные вещи, деньги и мамину шубу и перевезла их домой к Людке. Потом вернулась к себе и методично обыскала вещи Мирона, краснея от стыда, но свято веруя в правое дело.

По Людкиной наводке я изъяла у него паспорт и водительские права. Пошарив по документам, я пришла к выводу, что Мирон обманывал меня с самого начала. На заочном он не учился уже давно, более того: судя по всему, не проучился он там и года. Я нашла у него

несколько странных симкарт, пачку денег и второй телефонный аппарат. Все это, конечно, ничего не доказывало, но складывалось впечатление, что я жила с агентом 007.

К тому моменту, как Мирон хлопнул входной дверью, я успокоилась настолько, что попивала чай в компании телевизора, восседая в любимом мамином кресле.

Взглянув на меня исподлобья, Мирон уселся напротив, приглядываясь ко мне с все возрастающим беспокойством.

– Ты чего смотришь? – стараясь вложить в свой голос как можно больше металла, отчеканила я. – На мне узоров нет, и что-то там не растет... Или ты всерьез рассчитывал стереть мне память усилием мысли? Ты подлый трус, Мирон. Собирай свои вещи и проваливай к своему карасю.

– Конечно же, я во всем виноват, – гаденько ухмыльнулся Мирон, а я призывала всех святых, чтобы мне хватило твердости духа выстоять в неравной борьбе наглости со справедливостью. – А то что ты вообще не уделяла мне внимания, носилась со своими прыщавыми дегенератами, как с куриным яйцом... Фролова понесла, Смирнов отравился пирожками... Да я уже слышать не могу про твою долбаную школу! Да я, если хочешь знать, интрижку завел так, из принципа: заметишь или нет? Что и требовалось доказать – тебе все равно! Так что ты из себя жертву не строй, я не подлец. Я, между прочим, и учился, и работал, чтобы мы...

– Нигде ты не учился, а на работе крутил шашни с карасем, – буркнула я, потому что его замечание про мою к нему холодность возымело действие. – Да, я уделяла тебе мало внимания, работа и все такое... Но это не повод водить в мою квартиру свою любовницу! Выметайся отсюда, будь другом.

– Не будь душой, все разрушить – проще всего, – с неприсущим ему пафосом начал Мирон, и даже приложил руку к груди в области сердца. Видимо, намекая на сердечную боль.

– Я дура и есть, потому что с самого начала не вывела тебя на чистую воду. Извини, но с предателями я не дружу. Не о чем. Черт, я только сейчас поняла, что ты выносил мусор и проветривал, чтобы скрыть следы присутствия в доме своей пассии. Может, ты рассказывал ей, что это твоя квартира? Это низко и гадко.

– Отлично, – хлопнул себя по коленям Мирон, устраиваясь поудобнее. – Ты Эркюль Пуаро в юбке, вывела всех на чистую воду. Только идти мне некуда, так что я, пожалуй, задержусь. Сама понимаешь, пока я найду новое жилье, то да се.

– Иди к дружку.

– Дружок уже нашел квартиранта...

– Тогда к своей крашеной. Как там ее?

– Алена, но к ней пока лучше не соваться, муж... – механически ответил он и, вздрогнув, покраснел. – Это неважно. Малыш, пойми, это ничего не значит, – бормотал Мирон, но как-то чувствовалось, что он сам себе не верит, при этом заранее знает, что его монолог провален.

Этот вариант развития событий я и предвидела, поэтому мысленно похвалила себя за смекалку.

– Слушай, Мирон, я не хочу развивать долгие разговоры, тем более, завтра у меня выпускной, мне надо быть в форме. Надеюсь, твоего здравомыслия хватит на то, чтобы понять: оставаться с тобой под одной крышей для меня мучительно.

– Я никуда не пойду на ночь глядя. Могу лечь на диване.

– Ты уйдешь немедленно, твои вещи я собрала. А если надумаешь брыкаться, я вызову милицию.

– Попробуй, – хмыкнул несостоявшийся Казанова, но снова как-то неуверенно.

– Ладно, ты сам меня вынудил. Твой паспорт и права сейчас у одного моего хорошего знакомого. Если ты не уберешься прямо сейчас, я дам ему команду их уничтожить. Подумай, сколько сложностей у тебя возникнет с восстановлением. Ехать в глубинку, то да се...

– Стерва, – процедил Мирон, хватая чемоданы. – Ты только и ждала возможности избавиться от меня. Между тем, у меня сейчас в жизни непростой период. И вместо поддержки... Где мои документы?

– Это я скажу тебе завтра, когда ты покинешь квартиру. Обманывать тебя у меня желания нет. Как ты понимаешь, я заинтересована забыть о тебе как можно раньше.

Еще полчаса мы увлеченно высказывали друг другу в лицо все, что накопело, из чего я сделала вывод, что расставаться порой очень полезно. Узнаешь о себе много нового. В конце концов, Мирон хлопнул дверью, а я в изнеможении упала на диван и разревелась. Строить из себя железную леди было сложно, и я, наконец, дала волю горю, бушевавшему внутри меня с момента встречи со сладкой парочкой в магазине. Вдоволь наревевшись, я пошла на кухню и поставила чайник, а сама выглянула в окно.

Не знаю, что я ждала там увидеть: Мирона, плачущего под балконом или рисующего сердечко на асфальте мелом... Даже если бы Мирон тогда ночевал в паровозике на детской площадке под домом, я бы его все равно не увидела. Ночь уже вступила в свои права, окутав все весенней черничной темнотой, а я, глотнув чаю, побрела спать. Не зная, что это последняя спокойная ночь, что я проведу в своей квартире в ближайшее время.

Глава 4. Беги, Аглая, беги...

Проснувшись опухшей от слез, я порадовалась, что заранее все приготовила. Погладила платье и пригласила визажиста на дом. Сил делать хоть что-то не было, но мне предстояло ночь отстоять да день продержаться. А там наступят каникулы и... Додумать, что я буду делать на каникулах, раз уж планы отправиться с Мироном в Сочи пошли прахом, я так и не успела. В дверь позвонили.

Ко мне пришла Людка, подрабатывающая парикмахером, и сделала невероятные в своей фееричности кудри себе и мне. Мы напились кофе, а дальше день завертелся с невообразимой скоростью, и я на время совсем забыла о своих горестях.

Выпускной удался на славу. Как свадьба, пел и плясал: дети пытались тайком напиться, родители старались им в этом помешать. Хотя к концу вечера было неясно, кто больше преуспел в борьбе с зеленым змием. Трезвой на выпускном остались только я да закодированный трудовик. Людка, растрепав остатки прически, лихо выплясывала с чьим-то отцом, демонстрируя шпагат, когда я потянула ее за рукав:

– Давай сматываться, дети уехали в клуб, а потом отправятся встречать рассвет с родителями. Нам, по большому счету, делать здесь нечего.

И мы смотались: я бегом, Людка ползком. Время было позднее, фонари уже не горели, и Людка решила остаться у меня. На улице она освежилась и, ввалившись ко мне в квартиру, стала казаться совершенно трезвой.

– Ноги отваливаются. Чертовы каблуки. А ты чего совсем не пила? И в клуб со своими спиногрызами не поехала.

– Я же классный руководитель, какой пример... Да и настроения на клуб нет. А мое отсутствие уже никто не заметит...

– Ты зануда. Оторвалась бы, тем более, повод есть. Твой-то слинял. Гад. Это ж надо: от такой красоты – по бабам шастать. Не везет тебе, Аглая. Ну, да ничего, впереди лето. Слушай, а давай за это выпьем? Время еще детское, а у нас праздник.

Эта идея показалась мне привлекательной, хотя пила я редко. И то все больше вино. Ничего спиртного в моем баре найти не удалось: Мирон истребил все запасы вина, подаренного родителями нерадивых чад. В тоске я развела руками, предложив чай, но Людка не сдавалась и послала меня в ночник. Сама-то она ноги растерла, вот и осталась нарезать бутерброды.

Я натянула джинсы, схватила кошелек и припустилась вниз по лестнице. Разбитое Мироном сердце снова напомнило о себе, что придало мне ускорения.

Продавщица в магазине равнодушно выдала мне бутылку вина, несмотря на запрет на продажу спиртного в день выпускных. В другой день я бы возмутилась такой халатностью, но сегодня она была мне на руку. Я мелкой трусцой устремилась назад к дому, обогнув магазин с торца. У подъезда я вспомнила, что ключи оставила в вечерней сумочке, и позвонила в домофон. Людка открыла почти сразу, и я нырнула в подъезд. В этот самый момент «кожей» почувствовала, что сзади меня кто-то есть. Неуловимое трепетание воздуха или запах перегара? Я попыталась прыгнуть вперед, но сзади меня резко перехватили и зажали рот прокуренной ладонью.

– Сейчас я отпущу тебя, но не вздумай орать, – сурово скомандовал чей-то хриплый голос, и я затихла.

Темнота не способствовала разглядыванию обидчиков, но я поняла, что их минимум двое. Меня толчками сопровождали в сторону лифта. Там у нас имелась кладовка уборщицы, в данный момент она почему-то была приоткрыта. Туда меня и сопроводили. В воздухе запахло групповым изнасилованием, и я сразу стала сражать обидчиков аргументами, при этом почему-то шепотом:

– Послушайте, вы, наверное, обознались. У нас Лариса есть, разведенка, но она в первом подъезде. К ней все ходят.

Типы, в свете, падающем из окошка, казавшиеся великанами, озадачено закричали. Я же воодушевилась еще больше:

– У меня дома Людка. А у нее дружок в тюрьме. Я сейчас не приду, и она полицию вызовет. Вот.

Тут я подумала, что про Людку я сказала совсем некстати. Теперь они решат, что вариант «два на два» вполне себе ничего, затащат меня в квартиру и... Пока я судорожно соображала, что делать, амбалы наконец обрели дар речи. Тот, что был повыше, ожил первым:

– Ты совсем дура? Слышал, Кукиш, чего она удумала? Нафиг нам твои прелести. Мы за баблом.

– Каким еще, простите, баблом?

– Заткнись и слушай: твой красавчик Мирон Голубев – наш должник, – раздраженно гаркнул второй детина, которого первый называл Кукишем. – Усекла? Он у нашего хозяина деньги в кредит брал. Просрочка на нем, а он скрывается. Мы его дружка трягнули, он сказал, как тебя найти. Мол, лямур тужур у вас, живете вместе. Где эта гнида?

– А я откуда знаю? Позвонили бы мне, я бы все рассказала... Что так, мол, и так, не живет он здесь больше.

Второй амбал принялся визгливо хихикать, но суровый товарищ его вмиг осадил:

– Может, мне письмо еще прислать? Твой дружок добегался. Времени ему давали предостаточно. Велено найти тебя и передать Мирону: мол, как бы невеста без уха осталась.

– Я сейчас заору, – пискнула я. – Мне без уха никак. Я учитель...

Все это время Кукиш обыскивал мою сумку и вдруг присвистнул:

– Опа-ча, тут такой подарок. Паспорт Мирона Голубева, права. А говоришь, он тут больше не живет. Отлично подготовилась, красотка. Ты что, должна была ему их передать? Где там прячется твой возлюбленный?

Я мысленно прокляла тот момент, когда решила припрятать документы Мирона у себя (естественно, история со знакомым была не более, чем блефом). Теперь подозрение падет на меня в первую очередь.

– Вы сами подумайте. Если бы я должна была ему передать, я бы шла не домой, а из дома. Верно? Я на выпускном была. Учительница я. Денег нет. Мирон подлец. Он меня бросил, точнее, я его выгнала. И документы припрятала, чтобы его окончательно изгнать.

Пару минут я вводила амбалов в курс дела, попутно размышляя, когда у Людки хватит мозгов поинтересоваться моим отсутствием.

Наконец дверь на третьем этаже скрипнула и послышался Людкин встревоженный голос:

– Аглая?

Амбалы недовольно переглянулись, словно принимая решение, после чего суровый вынес вердикт:

– Пошли квартиру еще раз осмотрим, вдруг этот хмырь успел проскочить...

На ватных ногах я стала подниматься наверх, лихорадочно размышляя, как обезопасить хотя бы Людку. Человек тут вообще ни при чем... Людка в дверях выглядела испуганной. Отодвинув ее, амбалы молча осмотрели квартиру и, к моему облегчению, вроде бы собрались уходить:

– Ладно, шум поднимать пока не будем. Документы забираем. За тобой присмотр организуем. Как только твой Мирон объявится, чтобы забрать документы, звонишь нам. Телефон пришлю смс-кой. Вздумаешь чудить – кишки выпустим. Пока, училка. А вы, Людмила, дружку на зону почаще пишите. Небось, тошно ему там, по себе знаю.

Людка так и продолжила стоять, открыв рот. Пришлось рассказать ей всю историю, благо, бутылка вина как раз способствовала снятию стресса.

Когда в небе забрезжил рассвет, а на дне бутылки ничего не осталось, Людка стала философски смотреть на жизнь:

– Тебе надо бежать. В конце концов, все наша жизнь – бег через невидимые препятствия, и все мы, подобно хомячкам...

– Покороче можно? – вздохнула я.

– Короче, я эти дела знаю. Парни непростые, и в покое они тебя не оставят. Ценные вещи ты у меня припрятала, квартира на сигнализации. Выпускной позади. Садись на машину и сматывайся на ближайшие месяцы куда подальше. Директрисе я скажу, что у тебя тетка заболела, срочно вызвали. Наплету что-нибудь. Есть куда ехать?

– Ага...

– Только мне не говори, – предупредила Людка, – если начнут пытаться, я могу не сдержаться и выдать тебя. Ты уж извини...

– Людка, ты настоящий друг, – расчувствовалась я, пожимая ей руку. – А вдруг пронесет? Может, просто пугают? Мирон объявится, в конце концов, ему нужны документы. Пусть они сами с ним разбираются.

– Знаю я эти блат-кассы, просто официально оформленные, типа банки. Воровской общак. Дают деньги займы, а потом от них такие вот коллекторы ходят, избивают да насилюют. Или кислотой обольют, что вероятнее. Ты рожи их видела? Мирон твой, если не дурак, уже в бега кинулся. Бабки у него есть, ты сама говорила. Паспорт новый купить не проблема. У него, может, в каждом городе по кредиту. И по бабе. Вот он карася и окучивал, чтобы у нее пожить, потому что жареным запахло.

Мотай отсюда, пока все не уляжется. Документы ты уже отдала. В конце концов, им надоест тебя искать, и они займутся кем-то другим. А полиция тут не поможет, так и знай. Беги, Аглая, беги...

Нарисовавшаяся перспектива меня не обрадовала, но в Людкиных словах я почувствовала недюжинную логику. Скорее всего, потому, что, как я уже сказала, один Людкин кавалер сидел в тюрьме и часто писал ей письма, подбрасывая в костер ее фантазии занимательные факты. Теперь я знала, как сделать зарядное из кипятильника, шахматы их хлебного мякиша, а еще ловко смогла бы спрятать телефон на зоне.

Познакомилась она с товарищем из мест не столь отдаленных в соцсетях, и долгое время он писал ей, что служит на подлодке. Однако Людка провела небольшое расследование и выяснила-таки правду. К ее чести, переписку они продолжали, хотя ничего хорошего от жизни подружка уже не ждала, но письмами зачитывалась, как шпионскими романами.

Проводив Людку и обещав ей писать на адрес главпочтамта до востребования, я почувствовала себя героиней трагикомедии. На всякий случай я пару раз набрала номер Мирона, но, как и предсказывал амбал, тот оказался недоступен. Решив, что мне необходимо поспать перед дорогой, я скрутилась калачиком на диване.

И тут же провалилась в тревожное полузабытьё, прерываемое редкими обрывками сна.

Глава 5. Напуганная изгнанница

Мои сборы в Бухалово на этот раз были лишены радостного предвкушения встречи с прекрасным. Любимая деревня должна была принять не счастливую гостью, а напуганную изгнанницу. Еще неизвестно, как обернется вся эта история, а ставить под удар тетку я и вовсе не хотела.

Однако ехать больше мне было некуда, поэтому я упорно продолжала жать на газ своего железного коника, изводя себя грустными мыслями. Встав пораньше и побросав вещи в багажник, стелая и охая от головной боли, я покатила прочь из родного города.

Директрисе я позвонила сама, сослалась на семейные проблемы и получила добро на отпуск. Кое-какие бумажные вопросы за меня вызвалась решить добросердечная Людка.

Конечно, я рисковала. За мной могли присматривать, но, скорее всего, никто не ожидал от училки такой прыти. Так что Людкин совет бежать как можно быстрее сработал в мою пользу. Другой вопрос, сколько времени им понадобится, чтобы меня найти? Мирон про тетку слышал, но никогда особенно не интересовался, где она проживает. В моих документах Бухалово не упоминалось. Конечно, если поднять данные по маме... Но, насколько я знала, архивные данные ученых в нашей стране были засекречены, да и фамилии у нас с теткой разные.

Если Людка права, и эти люди связаны с криминалом, а не просто так пугали меня, то для них это не станет проблемой. Опять же, все зависит от того, насколько сильно им нужно найти Мирона. Я уповала на то, что фигура я в этом деле незначительная, и пугнули меня так, для острастки. И где он может находиться? Вроде родственников у него в наших краях нет, хотя был какой-то двоюродный дядька по линии отца Мирона... Тот вроде бы даже обещал помочь ему с работой, но потом сам загремел то ли в больницу, то ли в тюрьму. В любом случае, никаких координат родича я не знаю.

Так что пересидеть пару месяцев у тетки представлялось самым безопасным и логичным. Тем более, лето уже вовсю заявило о своих правах. Успокаивая себя таким образом, я сделала большой крюк по объездной дороге, потому что после вчерашних возлияний не желала столкнуться с ГАИ-шниками.

Час пути пролетел незаметно, и вот я уже свернула с дороги на асфальтированный съезд. Сердце сладко замерло, предчувствуя картину, открывшуюся мне через пару минут. Бескрайнее поле, заканчивающееся кромкой леса. Чуть дальше – река, небольшой пляж в окружении березовой рощи.

Пригорки и овраги причудливо изгибались, разбавляя монотонный пейзаж изогнутыми линиями. Я открыла окно, чтобы вдохнуть сладковатый запах желтой медовой кашки, в обилии произрастающей в этих местах. Налево – поворот на крупный поселок Жуки. Направо – дорога на Бухалово.

Проезжая по родным местам, я с удивлением заметила, что подлец Мирон, несчастная любовь, коллекторы-амбалы, выбивающие долги, – все отступило перед этой красотой и умиротворенностью природы. Как будто в деревне детства все проблемы становились недействительными, обнулялись и рассеивались мелкой росой на траву, подобно туману.

Я вспомнила, как в младшем школьном детстве не хотела возвращаться с каникул, и заявляла маме, что останусь жить у тетки. Там были все мои друзья, там была река, утесы, валуны, старинные развалины помещичьего двора, яблоки, сливы, малина, караси и щуки, грибы, многочисленные приезжие и местные рыбаки, а еще местные пьяницы, за которыми было очень смешно наблюдать.

Мы с соседскими девчонками с замиранием сердца прятались в лопухах у дровяника, возле которого местные алкаши часто играли в очко. А потом они напивались так, что просто мычали и бревнами валились в траву под наши радостные визги.

Там были вредные мальчишки, которые жутко больно жалили нас крапивой, а еще колоритные деревенские сплетницы, под треск сверчков рассказывающие вечерами на лавочках жуткие истории.

Мы с детворой обожали слушать рассказы про убийства и другие зловещие преступления, поедая при этом вкусные пирожки с черникой. Чаще всего собирались почему-то у нашего палисадника. Наверное, тому способствовала удобная большая скамейка под раскидистой вишней. Сосед тетки Зины, дядя Миша, у которого был внук Сашка, презрительно называл вечерние бабские посиделки «агентство ОБС».

– Одна баба сказала. Другая повторила. Ерься разносите. Дети, закройте уши. Тьфу на вас, заразы. Хорошо, что я больше не женился, – качал он головой, слушая бабьи байки.

Одно время мне казалось, что тетка Зина с дядей Мишей крутили роман, хотя в то время они казались мне ужасными стариками. Но никакого развития роман так и не получил: дядя Миша, насколько мне известно, продолжал жить вдовцом, а про Сашку, его внука, с которым в детстве мы жалили друг друга крапивой, я уже лет десять ничего не слышала.

Словом, та жизнь была такой веселой и насыщенной событиями, что каждый год, уезжая, я давала себе слово: вот вырасту и приеду сюда жить. И вот я выросла, но последние пару лет в Бухалово вообще не приезжала. Работа, заботы, любовь, мать ее так-растак.

Тетка все чаще приезжала сама и утверждала, что в Бухалово ничего не изменилось и делать там молодой красивой девушке совершенно нечего. Хотя я доподлинно знала, как она скучает и ждет меня в гости.

– Вот и случай представился, – пробормотала я, въезжая в деревню под кудахтанье куриц, обосновавшихся прямо посреди асфальтированного проезда. Я не подозревала, что в это время из кустов, расположенных ближе к лесу, мою машину внимательно разглядывают. Ехала я медленно, объезжая чужую птицу, оттого представляла собой отличный объект для наблюдения. И тому, кто успел рассмотреть мои номера, появление нового человека в деревне очень не понравилось...

Глава 6. А был ли клад?

Тетка числилась на пенсии, хотя и подрабатывала, когда где-то требовалась помощь ветеринара. Я надеялась застать ее дома и не ошиблась. Дверь, как в детстве, была гостеприимно раскрыта нараспашку, а на заборе в позе египетской кошки сидел мой любимый старый рыжий кот Кузя. Почесав его за ухом, я распахнула ворота и позвала:

– Открывай, сова! Медведь пришел!

Через секунду в окно, выходящее во двор, высунулась голова тетки в бигуди.

– Аглаюшка, доченька, ты ли это? Да откуда тебя принесло, заноза моя? – в свойственной ей манере приветствовала меня тетка, выскакивая во двор в переднике. – Дня два назад разговаривали с тобой, ты ж не собиралась вроде? Или случилось чего? Ты машину во двор загоняй, загоняй. Мальчишки местные поцарапают еще. Такие чертята... Что-то ты бледная, красавица моя? С мамкой-то все хорошо? Я ей звонить сегодня собиралась, да вот завозилась...

Тетка пристально всматривалась мне в лицо, а я силилась придать себе оптимистичный вид.

– Почему сразу случилось? Все хорошо, просто решила навестить родные места. У меня каникулы, выпускной вчера был. Все, сбагрила своих детишек, пора и отдохнуть. У меня за последний месяц от такой жизни гемоглобин упал и вес. До критической отметки.

– Ну, с весом я тебе помогу, – рассмеялась тетка, помогая мне вытаскивать сумки. – Откормим, молочком парным отпоим. Красавица ты моя. Рада я, что ты приехала. Только вот чуется мое сердце, что ты с парнем своим поругалась. Как там его, Цицерон?

– Мирон, – вздохнула я, прикидывая, как половчее рассказать тетке обо всем произошедшем, чтобы лишний раз не волновать ее. – Да, мы больше не вместе. Не сошлись характерами, так сказать. Бывает, а что? Я молодая, найду себе кого-нибудь.

– Вот и славно! – захлопала в ладошки тетка, но вовремя осеклась и потупила взор. – Ты не подумай, я не тому радуюсь, что вы разошлись. Конечно, если бы ты его любила – я бы и слова... Хоть он и глупый оказался, даром что Цицерон. Какой же умный человек такую красавицу отпустит? Да и имя у него, прости Господи. Представь, какие отчества были бы у ваших детей?

Я хмыкнула.

– Тут вот еще что, – зашептала тетка, выставляя на стол пирожки и борщ. – Прямо знак судьбы. Шуряйка как раз вчера приехал! Сходишь, поздороваяешься, вспомните былое. Вы же в детстве были – не разлей вода. А он сейчас какой стал? Красавец! Косая сажень, серьезный такой. Вежливый.

Если тетка надеялась, что я что-то пойму из ее монолога, то надеялась она зря. В моей больной голове все перемешалось, и какой-то там Шуряйка с саженью остался неидентифицированным. Видя непонимание в моих глазах, тетка вошла в ажиотаж:

– Ну как же... Сашка, внук дяди Миши, соседа. Помнишь его? Крапивой бились. Потом сын дяди Миши с женой развелся, та мальчишку увезла в другой город, он тут почти и не бывал. Сейчас вот к деду приехал. Бабы говорят, он спортом занимается, профессионально. Высшее получил, теперь вот работает. Отпуск у него, наверное. Холостой, я заметила, что без кольца. А уж красавец...

– Так, кончай меня сватать, – пригрозила я тетке пальцем, – а то сбегу. Не нужны мне женихи, я еще тем сыта по горло.

– Хоть пирожки-то занеси, поздоровайся, – огорченно вздохнула тетка, стаскивая бигуди с челки.

– Пирожки занесу, а ты сама-то куда собралась? – я только сейчас заметила, что под передником на тетке было надето нарядное платье, и в очередной раз отметила, что она еще дама хоть куда. Полновата, но фигуриста, а лицо вообще без морщин. Красавица, да и только.

– Ой, и правда. Совсем забыла, я же на работу собиралась. А оттуда в гости. У нас теперь по вечерам посиделки у Лукича. Обмениваемся рецептами и секретами огородников. Со мной пойдешь?

– Это дело хорошее, – кивнула я, уплетая теткины пирожки, – но сегодня я пас. Устала. Вчера на выпускном, плюс сердечные переживания. Буду с кислой физиономией сидеть, портить вам настроение. Я лучше в беседке посижу, соловья послушаю. А завтра буду огурцом, обещаю. Соскучилась я по Бухалово. Хорошо тут.

– Ну, гляди, доча. Ты ж у себя дома: хочешь – телевизор смотри, хочешь – в саду гуляй. А то, может, пройдишь, Шуряйку позови, прогуляетесь до кургана.

– Опять за свое! И хватит так по-дурацки называть бедного парня.

– Молчу, молчу. Между прочим, это ты придумала, когда маленькая была. Так к нему и прилипло. Его все тут так называли. И вообще... Шуряйка лучше, чем Цицерон.

– Ладно, тебя не переспоришь. Пока ты собираешься, расскажи мне последние новости. Уверена, у вас тут что ни день – то событие, – хихикнула я, вспоминая все, что мне доводилось слышать о местных жителях.

– Да какие у нас новости? Вот Шуряйка Масленкин приехал, в магазине новая продавщица, Кристина. Мелкая, а дело знает. Всегда у нее все свежее. Толковая девка, даром что племянница Тропиканки.

– Той самой Тропиканки, что живет на повороте? – переспросила я, вспоминая красивую крутобедрую даму в шали, которую прозвали Тропиканкой после показа одноименного сериала.

Сериал смотрели всем селом, и красавицу-актрису обсуждали охотно. Потом эта кличка как-то незаметно прилипла к Антонине. Местная Тропиканка была женщиной востребованной, но на все поползновения деревенских женихов отвечала отказом. Тетка не любила Тропиканку по причине того, что когда-то в молодости конкурировала с ней за внимание дяди Миши, Шуряйкиного деда. Все это вихрем пронеслось в голове, пока тетка вещала:

– Помнишь, гармонист у нас в клубе был, Петром звали? Ты еще маленькая была, на колени ему постоянно лезла. Вернулся в деревню недавно, дом старый отцовский занял, что-то там строит. А то ведь и сараюшки не осталось. И даже пьет мало. Странно. А сам черный весь стал, аж жуть.

– Он что, негром стал? – хихикнула я.

– Вина красного перепил в свое время, вот и почернел. Говорят, с горя. Он же в молодости в Тропиканку влюблен был, а та хвостом махнула – он и сбег он нее в город. А теперь она небось и рада была бы, чтобы гармонист к ней зашел, да он не решится все. Гордый. Хоть и негр.

Если честно, подобные рассказы могли бы ввести в смущение кого угодно, но не меня, потому что с детства я была приучена к местному фольклору. Сплетни касались не только жизни звезд: «А Софийка Ротару-то с Лещенко...», «Я слышал, что Леонтьев – переодетая баба, вот те крест!».

Местные дачники, как выяснялось из рассказов, также жили inferнальной жизнью: «Костик-то свою Наташку застукал с сантехником, ну и шланг тому покромсал. Если вы понимаете, о чем я...». «Заходит она в залу, а он там, сердешный, без ног и рук лежит, а Маринка его сама и заказала. Точно говорю. А потом крик подняла, точно резали ее. Подумаешь, полоснули ножиком...»

Так что рассказы про местного негра были еще цветочками. Досыта наевшись, я стала дремать под них за столом. Проснулась я в тот момент, когда тетка что-то вещала про курган, что был в конце деревни. Когда-то там обнаружили стоянку древнего человека и, по ходатай-

ству местного краеведа Егоровича, обнесли это место колючей проволокой, поставив там табличку «Копать нельзя». По иронии судьбы, с этого дня всем очень захотелось копать именно там.

– И шастают, и шастают. Как медом намазано. Все клады ищут. Как будто у древнего человека было что-то путное, кроме костей мамонта. Или кости мамонта тоже в цене? Кто ж знает... Из города теперь часто приезжают, экскурсии даже пару раз были. И двор помещиков им показывают. Скоро не продохнуть будет. На помещицьем-то дворе тоже шастают, все золото пропавшее ищут...

– А на дворе что смотреть? Одни развалины. Там только ужи живут, – махнула я рукой, вспоминая, как в детстве мы играли в прятки, пользуясь остатками стен, как укрытием. Помещичий двор там был до революции, сейчас о былом великолепии напоминал лишь сад и красивый вид на реку, который непременно открывался бы из окон панов, живи они там по сей день.

– Ну, уж не знаю. Кому-то нравится. Говорят, это место у реки выкупил какой-то богач. Помнишь, столбы там поставили, беседку? Года три назад. Ты вроде приезжала после того. Часовню построили, но это уже в том году. Часовню обязательно сходи посмотреть, дело хорошее.

– Чем же вы недовольны? Теперь не придется в церковь за реку ходить, все рядом.

– Спасибо ему, конечно, только народ шепчется: скоро к реке не пройдешь, так ведь? Скажет – мое это все, забором обнесет. А местные там рыбу ловят. Не знаю, кто ему разрешение дал, а только с деньгами все можно. Емельяновна говорит, он все выкупил, потому что клад найти хочет. Тот, что помещики закопали, как они бежали от красных-то.

– Насколько я помню с детства, клад этот – не более чем фольклор, с чего вы вообще взяли, что он был? А богачу совсем не обязательно покупать землю, чтобы клад искать. Мы вон с соседскими детьми всей ватагой клад искали, копали. И ничего не покупали, между прочим.

– Ну, копать наугад – это одно. Может, потомок какой выискался, знает чего, карту какую имеет? Как считаешь? Ты права, наши-то там все исходили, да мальчишки днями и теперь бегают, пока запрет не дали. Клад-то, говорят, был. Ты не спорь.

Немой наш, помнишь? Даром что выпивоха, правнук помещицкого кучера. Так он легенду семейную слышал и рассказывал...

– Что мог рассказать немой? – подловила я тетку.

– Та тьфу на тебя, ну, мать его рассказывала, пока жива была. Ты не спорь. Большой сундук с золотом был, помещикам с усадьбы убежать надо было, и они его где-то закопали. Кучер ждал их на выезде из деревни, а потом их убили. Помещиков, в смысле. А кучер сбежал, потом на прабабке немого женился. Правда, почти сразу и помер, но сына успел оставить. Да непутевые они все были, все больше выпивали...

– Разбавляя ежедневную маету деревенской жизни, местные сплетницы придумывают свои детективы, – развела я руками, – а к реке вам ходить никто не запрещает. Да и с другой стороны деревни еще один пляж есть. Можно подумать, ты туда ходишь? Или рыбу ловишь? Вам лишь бы инсинуации наводить.

– Вот ты все слова умные, как мать твоя, – обиделась тетка, как видно, желавшая впечатлить меня местными историями. – Хоть и сестра она мне, а разные мы с ней с самого детства были. Конечно, разница в возрасте, само собой. А и все равно. Как будто от разных отцов. Может, так и есть? Она умная, а я веселая. Так ведь? Надо сестрице позвонить вечером, хорошо, что сейчас связь – не проблема. Хоть на Севере, хоть в Африке, везде поговорить можно.

Отличительной особенностью тетки Зины был ее веселый нрав, за что ее любила не только вся родня, но и все местные жители. Потрепав меня по волосам, тетка пошла обуваться, попутно объяснив мне, что где лежит. Я обязалась закрыть курей и ставни перед сном, если она задержится.

Заверив тетку, что все будет по высшему разряду, проводила ее до ворот. Потом закрыла их на щеколду и пошла в дом. Сказывался ранний подъем, оттого я быстро задремала у телевизора. Проснулась ближе к вечеру, занялась ужином, после чего устроилась с чаем в беседке. На улице потихоньку вечерело, и небо было протянуто косою розовой полосой заката. В саду одуряюще пахло уже пробудившейся зеленью, и я внезапно почувствовала себя счастливой.

Думать о Мироне я себе запретила: учитывая, что деньги у него есть, о чем я доподлинно знала, он не пропадет. Тем более, жалеть мне его не с руки: мало того, что он меня обманул, так еще и втравил в неприятную ситуацию.

Руки так и чесались набрать его номер, чтобы высказать ему все, что я о нем думаю. Но по наказу Людки телефон я отключила. Людка сказала, это необходимая мера, чтобы амбалы не смогли определить мое местонахождение.

– Без связи с внешним миром, конечно, сложно, но ничего. Отдохнем от суеты сует, – сказала я Кузе, который удобно устроился у меня на коленях и заурчал от удовольствия.

На всякий случай я оставила Людке телефон тетки, потому что меня могли хватиться ученики или директриса. В конце концов, совесть меня все-таки немного терзала. Вдруг Мирон начнет искать свои документы? Придет в школу, начнет расспрашивать... И что? Документы вернуть я ему все равно не смогу, но хотя бы передам послание амбалов, чтобы был осторожнее. Ну, или вернул им то, что должен.

– Сам виноват, – пробормотала я с невесть откуда взявшейся мстительностью, а кот в ответ издал одобрительное «Мяу».

Глава 7. Призраки не дремлют.

Управившись с курами, я поужинала голубцами и вновь затосковала. Вдоволь напившись чаю, покачавшись в гамаке и прогулявшись по саду, я решила все же пройтись по деревне.

Уже смеркалось, и я надеялась, что местные жители не признают меня. По крайней мере, желания общаться с внешним миром сегодня не возникало.

Накинув теткин шерстяную кофту, я решила отправиться в сторону часовни. Так сказать, воочию лицезреть красоту, установленную неведомым меценатом. Близость духовной опоры манила мою измученную в мытарствах душу.

В доме Шурайкиного деда горел свет и мелькали тени, но заходить в гости я не стала, решив оставить ритуал приветствия на завтра. В это время в деревне обычно ужинали, отдыхая от дневных забот и работы в огороде. Местные пьяницы уже упали в траву лицом, их жены смотрели сериалы, так что передвигалась я вполне уверенно. К счастью, по дороге я никого не встретила. А вот на повороте меня чуть не сбил на велосипеде какой-то шкет в шортах и цветастой рубашке. Подросток ехал, не держась за руль, при этом в левой руке я заметила сигарету.

– Куда прешь? – возмутилась я. – Еще и курит! Дети совершенно обнаглели!

– А ты училка? – наметанным глазом сразу определил хулиган.

Я буркнула под нос что-то нравоучительное, но вспомнила, что мы не в школе, и только махнула рукой.

– Я думал, тебя к нам в школу прислали. У нас как раз предыдущая училка замуж вышла и уехала. А ты куда идешь?

– Хочу глянуть часовню.

– Любишь страшилки? Говорят, там призрак бродит в поисках мертвечины.

Я прыснула:

– Вот ты вымахал, как елка, а что толку? Курить он не боится, а призраков – очень даже.

Подросток оскорбился:

– Да говорю тебе, чертово место. Мы вчера с пацанами рыбачили, у мамок с ночевкой отпросились, а оно ночью как стало лязгать, завывать, огни какие-то мелькают. А потом в самой часовне посреди ночи свет загорелся и потух.

– Сочиняешь?

– Отвечаю! С нами сын нашей русички был, его мамка в наказание заставляет Гоголя читать, так он сказал – точь в точь как в байках его все. У нас Вовка, он старше всех, в кусты пошел по нужде. Еще посмеивался. Вот прямо как ты. А в него кто-то камнем кинул из темноты. Хорошо, в плечо попало, а если бы в голову? Короче, мы улепетывали оттуда, как могли. И ты туда не ходи, темнеет уже.

– Я тут все детство провела. И никаких призраков не было.

Моя уверенность не подействовала на подростка. Он покачал головой:

– Так то когда было? Сто лет назад? Ты же уже древняя. Я так понял, что призрак это недоволен, что теперь его территорию захватили. И часовню установили. Он свой клад охраняет. Короче, как знаешь, но я тебя предупредил...

Пожелав этому мелкому эйджисту бросить курить и привираться, я отправилась дальше. Неторопливо дошагала до магазина, отметив, что он преобразился. На окнах – решетки, веселенькие шторы. На крыльце сидели многочисленные коты, особенно выделялся толстый рыжик с порванным ухом. Он лежал чуть выше других и лениво поглядывал на меня, дергая хвостом.

Осторожно погладив хулигана, я обогнула магазин, в сумерках рассмотрев многочисленные мисочки и коробочки с едой. Неведомая Кристина сразу же заработала бонусные очки в

моих глазах, ибо я свято чтит принцип: расскажи мне о своем отношении к животным, и я скажу, что ты за человек.

Увлечшись темой котов, я не заметила, как прошла достаточное расстояние вперед к реке по тропинке, что пролегла через поле. Показалась часовня, выплыв из вечернего тумана и явившись мне во все своей красе и величии. Располагалась она на возвышении: я прошла еще вперед по мокрой траве, порадовавшись, что надела резиновые теткин сапоги.

Подойдя вплотную, я машинально подергала деревянную дверь, убедилась, что та закрыта, торопливо перекрестилась на купол и побрела к реке. Устроившись на берегу за кустами, я обхватила колени руками и предалась меланхолии. Мысли закружились в водовороте эмоций: я то вздыхала, то охала, мысленно репетируя монологи и размышляя о своей невезучести.

Внезапно за моей спиной хрустнула ветка. Потом еще раз и еще. Я испуганно оглянулась, отметив, что уже засиделась и изрядно озябла. И только я собралась встать и идти, как приросла к земле намертво.

Из тумана прямо на меня плыла какая-то огромная глыба. Фигура вроде мужская, но исполинские размеры ее поражали. На голове что-то вроде шляпы, а под шляпой... Лица я так и не рассмотрела, потому что его там не было. Какое-то сплошное серое пятно. Оно наплывало беззвучно, словно парило в воздухе.

Что там тетка болтала про призрак помещика? Словно со стороны я услышала чье-то повизгивание, с трудом сообразив, что визжу, собственно, я сама. До этого визжать мне не приходилось, поэтому голос показался мне противным и слишком уж высоким.

Призрак, не дойдя до меня пару шагов, встал, как вкопанный. Я принялась креститься и зачем-то проорала «Аллилуйя!», оглядываясь в поисках какой-нибудь палки покрепче. Тут на глаза мне попались установленные кем-то чуть в стороне удочки. В два прыжка достигнув цели, я дернула удочку из воды, поразившись своей прыти. Тут же отчаянно зазвенел колокольчик, прикрепленный к удочке. Я принялась размахивать новообретенным оружием, но сразу запуталась в леске.

– Эй, ты чего? – настороженно спросил призрак и все-таки выплыл из тумана. Как ежик. В руках у него почему-то тоже были удочки и ведро.

– А... А ты чего?

– Что чего?

– Ходишь, в смысле?

– Так не запрещено вроде.

– Ты кто такой? – разозлилась я на призрака, потому как ответы его показались мне изрядно туповатыми.

– Александр я. Иванович. Масленкин. На рыбалку пришел, а тут ты орешь. Всю рыбу распугала.

– Александр Масленкин? Шуряйка? Ты, что ли? – облегченно выдохнула я, не зная, смеяться мне или плакать.

Для начала я просто осела на траву. Очень уж дурацкая ситуация вышла, а тут еще изда-лека к нам резво двигались несколько человек, махая руками. Видимо, привлеченные моим визгом рыбаки, чьи удочки я потревожила. Странно, мне казалось, что я тут одна.

Радоваться я не спешила, а ну как призрак наводит на меня морок? Надо было уточнить все сразу:

– А что с твоим лицом?

– Накомарник это, – растерянно пробормотал Шуряйка, стягивая с головы шляпу с сеткой. По всей видимости, выданную ему дедом. – Что-то я тебя не припомню. Маша?

– Глаша. Пошли отсюда, – теперь я убедилась, что передо мной тот самый Шурик. И нервно дернула его за руку, бросая в сторону удочку и пытаюсь освободиться от лески. – Сейчас

мне навалиют за порчу имущества. Помнишь, как в детстве мы за колокольчики отгребали от местных рыбаков? А один раз ты запутался, и трусы на крючке оставил...

– Глашка, ты? – обалдел от неожиданности Шуряйка и, хлопнув себя по коленям, врос в землю, что было крайне некстати. Рыбаки приближались, а сдвинуть его с места, пнув под зад, как детстве, уже не вышло.

– Бежим, Шура! Сейчас солью в зад стрелять начнут, как тогда у Зайца в саду, – гаркнула я, подпрыгнув, чтобы попасть Шуряйке в ухо.

Он вздрогнул, неожиданно ожил и очень резво заработал ногами. Перед этим ухватил меня за руку и потащил за собой. Несмотря на некоторые неудобства, мы все же удалялись от места преступления, что было уже хорошо.

Оглянувшись через пару минут, я констатировала, что погони за нами нет. Добежав до беседки, построенной неведомым меценатом, мы остановились отдышаться. А переглянувшись, внезапно принялись хохотать, как сумасшедшие.

Смеялись мы еще долго, а потом два раза прошли всю деревню туда-сюда, потому что увлеклись разговорами.

Сашка совсем не изменился с детства. Точнее, внешне он как раз стал совсем неузнаваем. Здоровенный детина с бугрящейся мускулатурой и взглядом добряка с открытой душой. Такой же белобрысый, как в детстве, только сейчас он был коротко подстрижен и пытался придать своему лицу мужественности и суровости, хмуря брови и сжимая губы.

Неизменными, пожалуй, остались его простота и детская наивность. Он тут же рассказал мне историю своей жизни: уехали с матерью в другой город, учился, продолжил заниматься борьбой, стал мастером спорта, получил травму плеча. Из-за этого пришлось оставить большой спорт, в нашем городе он отучился заочно на физрука. Вот тут-то жизнь и дала трещину: любимая девушка его бросила ради бизнесмена, а он, решив что-то ей доказать, подался работать в охранную фирму:

– Вот так я променял школу на работу охранника у одного богатея. Работа не пыльная, платили хорошо, но дела у них там всякие мутные, мне не по душе пришлось.

– Что за дела?

– Да всякое. Вот, к примеру, сказали типа одного подкараулить. Ну и научить его умному, чтобы сговорчивее был. А это же уголовное. И так пару раз, я отказывался, конечно, а они меня турнули. Говорят, мол, такой нежный – сиди на даче и розы нюхай. А я что, виноват? Если нет во мне агрессии, не хочу я людям морды бить.

– Все правильно, – поддержала я друга детства. – Значит, не твое это. И девушка эта тоже тебе не пара. Раз променяла тебя на денежный мешок. Встретишь ты еще...

– Глаша, ты это брось, – внезапно посуровел Шуряйка, а я осеклась на полуслове. – Я все эти ваши штучки знаю. Мне дед сегодня уже все уши прожужжал. Мол, жениться пора, тут девок много, хороших, хозяйственных. Думаешь, я не понимаю, на что ты намекаешь? Женись, мол, на мне, я не такая. Но ты пойми, хоть ты и сто раз красавица, я о свадьбе пока и думать не могу. С работой беда, я чего и к деду приехал. Восстановиться хочу, подумать о жизни. Могу ли я поперек себя идти или лучше в школу вернуться, на тренерскую? Я вообще безработный сейчас, так что какие шуры-муры. Нет, и не проси. Твою женскую тоску я понять могу. Мы встретились спустя столько лет...

Я не смогла дослушать монолог до конца, потому что меня буквально взорвало от смеха. Откашлявшись и утерев слезу, я похлопала Шуряйку по плечу:

– Мой добрый друг! Можешь не опасаться, твоя честь в безопасности. Никаких планов на замужество я не имею, даже напротив. Так что твоя позиция мне только на руку.

И я вкратце рассказала Шурику о теткинских матримониальных намерениях в отношении меня, а также о своей несчастной истории любви. Умолчав, правда, про криминальный оттенок нашего с Мироном расставания. Нечего вот так сразу человека пугать.

Шуряйка повеселел и расслабился, так что дальше мы общались уже без напряжения. Обменялись новостями про друзей детства и договорились держаться вместе, раз уж волею судьбы свои отпуска проводим в Бухалово. Мы как раз дошли до речки. Выплывшая луна, похожая на головку откушенного сыра, освещала луковку часовни. И вдруг в темноте я заметила суетливо мелькающий огонек.

– Смотри-ка, что это там светится? – толкнула я в бок друга.

– Хрен его знает, может, светлячки?

– Ты когда последний раз светлячков видел?

– В детстве, когда ходили ночью на речку...

– То-то и оно, никакие это не светлячки. Вроде как фонарь... Кого это там носит по ночам?

– Может, рыбаки по нужде пошли, дались они тебе. Пошли домой, мне что-то есть охота. Ты там что-то говорила про пирожки, что твоя тетка говорила мне занести...

– Пирожки были заявлены в качестве приманки для жениха. Раз жениться не намерен – без пирожков обойдешься. Тебе лишь бы поесть, – отмахнулась я, приблизившись к холму, на котором возвышалась часовня, еще на пару шагов.

– Пошли посмотрим, кто там шастает. Не думаю, что рыбаки в туалет будут под церковь ходить. Да и далековато. Сдается мне, это либо кладоискатели, либо кто-то, пугающий местное население рассказами про призрак помещика Бухалова. Я вот сама наслушалась, и чуть со страху не померла, когда тебя в темноте увидела.

– Не хотелось бы ссориться с призраками, – как-то неуверенно забормотал Шуряйка, но я напомнила ему, что он охранник, хоть и бывший.

Огонек метался, как бабочка возле лампадки, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз.

Я прибавила шаг. При этом ухватила Шуряйку за широченную руку, чтобы он не вздумал сбежать. Пока мы преодолевали расстояние наискосок, путаясь ногами в высокой траве, огонек исчез. Подойдя к церквушке, я упрямо обошла ее со всех сторон: вокруг почти не было деревьев, а трава, хоть и была высокой, не позволяла спрятаться в ней человеку.

– Ну вот, я же говорил, – сдавленным шепотом начал Шуряйка, а мне почему-то стало жутко. Где-то вдалеке завывала собака, и я решила, что пора идти домой.

Внезапно в боковом окошке, возле которого мы и стояли, перешептываясь, вновь мелькнул проблеск света. Я дернула товарища за рукав, тыкая в сторону окна пальцем.

Знаками велел Шуряйке соорудить из рук подножку, я ловка вспрыгнула на нее и попыталась заглянуть в окно. Располагалось оно довольно высоко, но кое-что я все же увидела. На скамье возле окна, по все видимости, стоял фонарь, освещая лишь небольшой кусочек помещения. В тусклом свете я увидела батюшку в рясе, почему-то стоящего на коленях. Он то ли он молился, то ли что-то пытался поднять с пола... Мгновенно отпрянув, я соскочила на землю и зашептала Шуряйке в ухо:

– Неудобно вышло, там батюшка, а мы подглядываем. Пошли отсюда, пока он нас не заметил.

Стараясь не шуметь, мы гуськом спустились на тропинку и через минуту ступили на асфальтное покрытие.

– Да уж, – почесал затылок мой товарищ детства. – Узнаю Глашку. Всегда ты придумывала разные истории и тянула нас на приключения. То мы водяного в реке ловили, то лешего по лесу гоняли. Теперь вот призраки тебе мерещатся.

– Извини, – буркнула я. – Сама не знаю, что на меня нашло. Наверное, теткинские рассказы. Когда я шла к реке, церковь была закрыта, а сейчас там батюшка. Ночные моления? Может,

сегодня какой праздник церковный? Надо у тетки спросить. Я, кстати, не прочь исповедаться, так что батюшка в деревне очень кстати. И тебе не помешает. Раз ты новую жизнь начинаешь, надо все с чистого листа.

Шуряйка закивал, я поежилась, потому что к ночи резко похолодало. Словом, мы вознамерилась идти спать: утро вечера мудренее. Вдруг за нашими спинами опять что-то зашуршало и хрустнуло. Раз, другой... Я настороженно повернулась, а Шуряйка, ступив вперед, вглядывался в густые кусты акации, из которых доносился треск.

– Эй, кто там? – неуверенно задал он вопрос, косясь на меня.

Тут треск прекратился, но следом за этим быстро-быстро зашуршали ветки: складывалось впечатление, что кто-то пробирается вперед, не разбирая дороги. Судя по звуку, этот кто-то был явно большого размера. Кусты там были густые, вырубить их уже потеряли всякую надежду, и поэтому они просто росли, огораживая дорогу к реке от асфальта, пролегающего через всю деревню.

– Собака, что ли?

– Да нет, похоже на человека, – неуверенно пробормотала я, вглядываясь в темноту. Как назло, луна зашла за тучу, и увидеть что-то было почти невозможно. Бежать следом я посчитала лишним: история с батюшкой показала, что ничем хорошим это не закончится. Мало ли кто прятался в кустах? Хотя мне почему-то показалось, что человек затаился, слушая наш разговор, а потом сбежал, не желая быть замеченным.

Скорее всего, потрясения последних дней просто расшатали мою психику, и я поспешила отогнать от себя тревожные мысли. Шуряйка провел меня до ворот, где уже поджидала нас вернувшаяся тетка:

– Это ж надо, не успела приехать, а уже пропала. Я пришла, а ее нет...

Тут она заметила рядом со мной Шуряйку и расцвела:

– Уже повидались? Вот и хорошо, вот и здорово. Ты пирожки-то Сашке отдала? Нет? Вот девица, голова дырявая. Сама пекла, свеженькие, я сейчас, обожди чуток.

Тетка побежала за пирожками, а я махнула Шурику рукой и пошла в дом.

– Как погуляла? – спросила я вернувшуюся тетку, пока она закрывала окна шторами. Та была довольна сверх меры и не могла это скрывать.

– Да что я, посидели по-стариковски. А вы как встретились? Видала, какой стал Шуряйка наш?

– Последний раз предупреждаю: начнешь меня сватать – сбегу. Мы просто друзья, с детства ничего не изменилось. Ты бы лучше сама с его дедом помирилась.

– С Мишкой-то? – поджала губы тетка, не любившая упоминания этой темы. – А что ж мы с ним, воюем, что ли? Всегда культурно жили, так сказать.

– Я про личное.

– А что до личного, так то уже быльем поросло, что было. Ну, заглядывал он ко мне на чай, ты еще маленькая была. Он-то вдовец, а я женщина видная. Одному, чай, не сахар. Хаживал, я не против была. Серьезный, работающий. Пьет умеренно, не то чтобы сильно. А потом мне приятельница сказала, что видела его на заборе у Тропиканки. С пионами в руках. Ну, я его и погнала. На кой мне ловелас, что по чужим хатам шатается? Хотел, небось, на двух стульях усидеть, не знал, к кому метнуться. И меня, и Тропиканку обхаживал. А та тоже хороша, подруга называется. Знала же, что он ко мне клинья подбивал...

– Что-то я не пойму, что он на Тропиканкином заборе делал? – против воли заинтересовалась я.

– Ну, лез к ней в гости, знамо дело. Сюрприз небось хотел сделать. Мол, я к тебе с цветами в зубах готов хоть в окна лазить. Вот с того дня я ему отворот-поворот.

– Так вы тогда даже не поговорили? Ну, ты даешь! Мало ли, что тебе соседка наболтала? Может, все было не так...

– Было, не было, какая теперича разница? Давай спать, доча. Что-то разболтались мы, завтра покалякаем.

Я обняла тетку, умылась и улеглась в своей маленькой комнатке с ковром на стене. Здесь все было, как в детстве. Мне было очень спокойно и уютно. А в это время из ночной темноты в мое окошко вглядывались чьи-то настороженные глаза...

Глава 8. Крыся и ее стая

Утром тетка накормила меня оладушками и почти сразу же заспешила на работу:

– Ничего в колхозе без меня не могут. Даром что на пенсию вышла. Работаю еще больше, чем раньше. Аглайка, сходи в магазин, хлеба возьми, сахар захвати. Закончился почти. Если что, звони. Да я быстро, не успеешь глазом...

Я покивала с полным ртом и уставилась в телевизор. Завершив трапезу, подумала, что не худо бы узнать что-то о делах, творящихся в городе, но для этого придется ехать на почту в соседнюю деревню и звонить оттуда Людке.

Решив перед этим прогуляться в магазин, я схватила тканевую сумку с вешалки, положила в карман джинсов деньги и заперла дом. Шла, щурилась от почти летнего уже солнышка и сетовала, что забыла дома солнечные очки.

Возле магазина опять сновали коты: кто-то спал, кто-то гордо лежал на окне, заняв лучшее обзорное место. Я почесала за ухом подбежавшего рыжика и поднялась по ступенькам.

За прилавком стояла востроносая девица и заинтересованно поглядывала на меня строгими пронзительно-карими глазами. Росточку в ней было от силы полтора метра, каштановое каре с прямой челкой делало продавщицу похожей на кавказскую пленницу Нину из одноименного фильма.

– Привет! Меня Аглая зовут. А ты Кристина? Мне про тебя тетка рассказывала. Зинаида Григорьевна, ветеринар, – пояснила я, заметив, что девица как-то недоверчиво меня рассматривает.

– А, тетка Зина, – облегченно выдохнула она. – Хорошая женщина, дай ей Бог здоровья. Она же мне советы давала, как котов моих вылечить. У Петруши был понос, потом и Дуся запаршивела. Ты видела, сколько их у меня?

Я кивнула, а Кристина, воодушевившись, продолжила:

– Ну вот, я их всех лечу, жалею, а некоторым в деревне это как кость поперек горла. Есть тут один такой гад, Баранок фамилия, душегуб. Грозится, что всех перетравит. А ему говорю – чем вам коты не угодили, а он мне...

Тут она сбилась с мысли и неожиданно заявила:

– А я думала, ты проверка!

– Подожди, подожди, – заволновалась я, уже сожалея, что вступила в диалог с этой болтушкой. Судя по всему, Кристина скучала и была не прочь пересказать мне историю своей жизни.

– При чем тут коты? Точнее, коты – это очень хорошо, но я за хлебом и сахаром пришла...

– Так я и говорю, я думала, проверку на меня наслали. Ты вошла, фифа такая, сразу видно, не из деревенских. А на меня продавщица из Жуков зуб имеет, она водку сомнительную из-под прилавка продает. И меня заставляет. А я сказала, что эту дрянь продавать не буду. А она родственница Баранка, вот он мне котами и тычет...

– Ладно, я поняла. Точнее, я ничего не поняла, но давай я куплю, что собиралась, а потом ты мне еще что-нибудь расскажешь. Если захочешь.

Кристина радостно закивала, ее каре заходило ходуном, а я стала складывать покупки в сумку.

– Ой, а я же не представилась! Кристина Арбузова, – протянула она свою ладошку, а мне пришлось ее пожать, констатируя, что в полку дурацких фамилий прибыло: Синичкина, Масленкин, теперь вот Арбузова. Будет что рассказать детям в следующем учебном году, когда они скажут, что у меня смешная фамилия. Эх, дожить бы еще до следующего года.

Мы немного поболтали, хотя назвать это болтовней было сложно. Кристина тархтела без умолка, успев за пять минут рассказать мне большую часть своей истории. Была она племянницей Тропиканки, дочкой ее младшей сестры. Закончила торговый колледж и, по протекции тетки, отработывала здесь практику.

– Ты не подумай, я на высшем заочно учусь. Здесь временно, на практике. Нас от колледжа в такие Мухосрански отправляли, а тут все-таки к городу ближе, и у тетки жить можно. Да и работа непыльная, народу мало, я в свободное время вон книжки читаю, к экзаменам готовлюсь. И воздух свежий. А в городе проверками задолбут, недостачи, то да се. Так что я работой довольна, хотя вот Баранок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.